

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

DOI: 10.67227

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 6

2026

ZAMONAVIY LINGVISTIK TADQIQOTLAR MARKAZIDA DISKURSIV BIRLIKLAR

Aminova Guzal Rakhatovna

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti, o'qituvchi

Annotatsiya

Mazkur maqola og'zaki va yozma nutqda regulativ, bog'lovchi hamda metamatn funksiyalarini bajaruvchi diskursiv birliklar — so'z va iboralarning zamonaviy lingvistik tadqiqotlardagi o'rniga bag'ishlangan. Tadqiqotda diskursiv so'zlarni ajratishning asosiy mezonlari sifatida ma'noning protsessual xarakteri, sintaktik fakultativlik va metadiskursiv yo'nalganlik ko'rib chiqiladi. Konnektorlar, mulohaza yuritish markerlari, evidensiallik va epistemik modallik ko'rsatkichlari, munosabat markerlari hamda interaksyani boshqaruvchi birliklarni qamrab olgan funktsional tasnif taqdim etiladi. Rus, ingliz va o'zbek tillaridagi diskursiv markerlar qiyosiy tahlil qilinib, tillararo ekvivalentlik va tilga xos xususiyatlar aniqlanadi. O'zbek tili misolida agglutinatив tuzilish, grammatiklashgan evidensiallik va deiktik yuklamalar tizimining diskursiv birliklar repertuari hamda funktsionalligiga ta'siri yoritiladi. Shuningdek, nazariy va metodologik muammolar, korpus tahliliga asoslangan yangi yondashuvlar hamda lingvodidaktika, kompyuter va sud lingvistikasi sohalaridagi amaliy qo'llanish imkoniyatlari ko'rib chiqiladi.

Kalit so'zlar: diskursiv so'zlar, diskursiv markerlar, pragmatik markerlar, diskurs, protsessual ma'no, metadiskursivlik, sintaktik fakultativlik, konnektorlar, evidensiallik, epistemik modallik, attenuatsiya, intensivatsiya, interaksyani boshqarish, bekchannellar, grammatiklashuv, korpus tahlili, tillararo ekvivalentlik, rus tili, ingliz tili, o'zbek tili.

ДИСКУРСИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аминова Гузаль Рахатовна

Узбекский государственный университет мировых языков, преподаватель

Аннотация

Статья посвящена обзору современных лингвистических исследований дискурсивных единиц — слов и выражений, выполняющих регулятивную, связующую и метатекстовую функции в устной и письменной речи. Рассматриваются ключевые критерии выделения дискурсивных слов: процедурный характер значения, синтаксическая факультативность и метадискурсивная направленность. Представлена функциональная классификация, включающая коннекторы, маркеры хода рассуждения, показатели эвиденциальности и эпистемической модальности, маркеры отношения к высказыванию, а также единицы регуляции интеракции. Особое внимание уделяется сопоставительному аспекту: анализируются русские, английские и узбекские дискурсивные маркеры, выявляются случаи межъязыковой эквивалентности и языкоспецифичные черты. На примере узбекского языка показано, как агглютинативный строй, грамматикализованная эвиденциальность и система дейктических частиц влияют на инвентарь и функционирование дискурсивных единиц. Освещаются дискуссионные вопросы теории, методологические сдвиги в сторону корпусного анализа, а также практические приложения в лингводидактике, компьютерной и судебной лингвистике.

Ключевые слова: дискурсивные слова, дискурсивные маркеры, прагматические маркеры, дискурс, процедурное значение, метадискурсивность, синтаксическая факультативность, коннекторы, эвиденциальность, эпистемическая модальность, аттенюация, интенсификация, регуляция интеракции, бэкчаннелы, грамматикализация, корпусный анализ, межъязыковая эквивалентность, русский язык, английский язык, узбекский язык.

DISCOURSE UNITS IN THE FOCUS OF MODERN LINGUISTIC RESEARCHES

Aminova Guzal Rakhatovna

Uzbekistan State World Languages University, Lecturer

Abstract

This article provides an overview of contemporary linguistic research on discourse units—words and expressions that perform regulatory, connective, and metatextual functions in spoken and written communication. It examines the key criteria for identifying discourse markers, including procedural

meaning, syntactic optionality, and metadiscursive orientation. A functional classification is presented, encompassing connectors, reasoning markers, indicators of evidentiality and epistemic modality, stance markers, and interaction-regulating units. Particular attention is given to the comparative perspective through the analysis of Russian, English, and Uzbek discourse markers, highlighting both cross-linguistic equivalences and language-specific features. Using Uzbek as a case study, the article demonstrates how its agglutinative structure, grammaticalized evidentiality, and system of deictic particles influence the inventory and functioning of discourse units. The study also addresses theoretical debates, methodological shifts toward corpus-based analysis, and practical applications in language teaching, computational linguistics, and forensic linguistics.

Keywords: discourse words, discourse markers, pragmatic markers, discourse, procedural meaning, metadiscursivity, syntactic optionality, connectors, evidentiality, epistemic modality, attenuation, intensification, interaction regulation, backchannels, grammaticalization, corpus analysis, cross-linguistic equivalence, Russian, English, Uzbek.

Любой исследователь устного или письменного дискурса рано или поздно сталкивается с классом слов, которые, с одной стороны, не могут быть проигнорированы из-за высокой частотности, а с другой — не поддаются описанию в рамках традиционной грамматики. Речь идёт о единицах типа английских **well, oh, you know, like, actually, so, however** и русских **а именно, впрочем, между прочим, в общем, пожалуй, стало быть, вот, ну**. В русскоязычной традиции они получили название дискурсивных слов, в англоязычной — **discourse markers** или **pragmatic markers**. Интерес к этому классу значительно вырос за последние три десятилетия в связи с коммуникативным поворотом в лингвистике: язык стал рассматриваться в действии, в процессе порождения и интерпретации речи. Как отмечает А. Д. Шмелёв, дискурсивные слова — это «слепок с коммуникативных потребностей говорящего» (Шмелёв, 2002, с. 89). Изучая их, мы получаем доступ к неявным стратегиям организации речи, управлению вниманием собеседника и выражению субъективного отношения.

Например, в диалоге «— Ты придёшь завтра? — Ну... не знаю» слово **ну** не несёт предметной информации, но маркирует колебание и смягчает отказ. Английское **well** в аналогичной позиции выполняет ту же функцию. В узбекском языке в схожей коммуникативной ситуации часто используется частица **-чи** в составе слова или **хўп** («— Эртага келасанми? — Хўп... билмадим»), что демонстрирует типологическое сходство прагматических механизмов (Маматов, 2018, с. 45). Настоящая статья ставит целью систематизировать современные представления о дискурсивных словах, рассмотреть их функциональную классификацию в сопоставительном аспекте, а также осветить дискуссионные вопросы теории, методологические сдвиги и практические приложения.

Материалы

Материалом для теоретического обзора послужили основополагающие работы по теории дискурсивных маркеров, включая труды Д. Шиффрин, Б. Фрейзера, Д. Блэкмор, Э. Ч. Трауготт и Р. Б. Дашера, а также исследования русских лингвистов А. Д. Шмелёва и Е. В. Падучевой. Сопоставительный анализ с узбекским языком опирается на работы А. Э. Маматова и Ш. С. Сафарова, посвящённые прагматическим маркерам и прагмалингвистике узбекского языка (Маматов, 2018; Сафаров, 2019).

Эмпирическую базу современных корпусных исследований составляют данные крупных национальных корпусов: Британского национального корпуса (BNC), Корпуса современного американского английского (COCA), Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также формирующегося Национального корпуса узбекского языка. Иллюстративный материал включает примеры из устной и письменной речи на русском, английском и узбекском языках.

Методы

Методологическую основу исследования составляет сочетание традиционного лингвистического описания с элементами корпусного и сопоставительного анализа. В теоретической части применяется метод понятийного анализа для выделения позитивных критериев дискурсивных слов: процедурного значения (Blakemore, 1987), синтаксической факультативности и метадискурсивности (Падучева, 1985). Функциональная классификация строится на основе коммуникативно-прагматического подхода, разработанного Д. Шиффрин (Schiffirin, 1987) и дополненного Б. Фрейзером (Fraser, 1996).

Сопоставительный анализ русских, английских и узбекских дискурсивных маркеров проводится с опорой на метод межъязыковой эквивалентности, позволяющий выявить как

универсальные прагматические функции, так и языкоспецифичные средства их выражения. Корпусный метод используется для верификации данных о частотности, регистровой принадлежности и позиционных предпочтениях дискурсивных единиц. Диахронический компонент исследования опирается на теорию грамматикализации и регулярной семантической эволюции (Traugott & Dasher, 2002).

Результаты

Традиционно дискурсивные слова определялись через отрицательные признаки — отсутствие номинативной функции, неспособность быть членами предложения, безударность. Однако такой подход неудовлетворителен, поскольку многие наречия и модальные слова обладают теми же свойствами. Современная лингвистика выработала три позитивных критерия. Первый — процедурное значение: в отличие от концептуального (**стол**, **бежать**), процедурное значение инструктирует слушающего, как обрабатывать высказывание (Blakemore, 1987). Слово **однако** не добавляет факта, а сигнализирует о противопоставлении. Второй критерий — синтаксическая факультативность: изъятие маркера не нарушает грамматической правильности, хотя смысловые оттенки утрачиваются. Третий — метадискурсивность. Е. В. Падучева называет дискурсивные слова «дейктическими словами второго порядка»: они указывают не на параметры речевого акта, а на логические связи и ментальные операции говорящего (Падучева, 1985, с. 167).

По функциональному признаку выделяется пять классов. Первый — коннекторы, обеспечивающие когезию дискурса: аддитивные, противительные, причинные, следственные, уступительные, временные. В узбекском языке противительные коннекторы **аммо**, **лекин**, **бирок** демонстрируют интересную особенность: **лекин** сохраняет строго противительную семантику, тогда как смена темы маркируется частицей **-чи** или оборотом **гап шундаки** (Сафаров, 2019, с. 134).

Второй класс — топикальные маркеры, организующие последовательность тем: инициаторы, сменщики, возврат к теме, резюмирующие. Узбекское **дарвоқе** функционирует подобно русскому «кстати», а **хуллас** служит аналогом «итак» (Маматов, 2018, с. 78).

Третий класс — маркеры эвиденциальности и эпистемической модальности, указывающие на источник и степень уверенности. Узбекский язык благодаря агглютинативному строю выражает эвиденциальность грамматически (форма на **-миш**), но располагает и лексическими средствами: **менимча**, **эхтимол**, **афтидан**. Грамматикализованная эвиденциальность создаёт иную пропорцию между лексикой и морфологией, нежели в русском (Сафаров, 2019, с. 156).

Четвёртый класс — маркеры отношения к высказыванию: аттенюаторы (**пожалуй**, **как бы**) и интенсификаторы (**просто**, **буквально**). В узбекской речи аттенюация достигается словом **хўп** или частицей **-дир**, а интенсификация — лексически (**жуда**, **нақ**) и редупликацией (Маматов, 2018, с. 112–115). Сюда же относятся эмоциональные маркеры и маркеры уступки, например узбекское **майли** (Сафаров, 2019, с. 201). Особый случай — сдвиг английского **literally** в сторону интенсификатора, что Трауготт и Дашер объясняют как «регулярный процесс субъективизации значения» (Traugott & Dasher, 2002, p. 168).

Пятый класс — маркеры регуляции интеракции: заполнители пауз, сигналы продолжения, бэкканалы, маркеры перехвата инициативы и смены говорящего. Узбекские бэкканалы (**лабай**, **хўп**, **яхши**) отличаются от русских «ага» и «угу» наличием элементов вежливости, а заполнителями пауз выступают дейктики **ана** и **мана** (Маматов, 2018, с. 134–136). Д. Шиффрин показала, что английское **oh** выполняет до двенадцати функций (Schiffirin, 1987, p. 73–101); русское **ну** не менее полифункционально.

Корпусные исследования позволили установить, что **well** в пятнадцать раз чаще встречается в устной речи, подтвердить доминирование инициальной позиции маркеров и проследить диахронические сдвиги. Формирующийся Национальный корпус узбекского языка выявляет высокую частотность **демак** и **хўш** в публицистике, а также гендерную вариативность маркеров вежливости (Сафаров, 2019, с. 230–234). Эксперименты с отслеживанием движения глаз подтвердили, что дискурсивные слова ускоряют обработку информации, действуя как прогностические сигналы.

Обсуждение

Где заканчиваются дискурсивные слова и начинаются междометия, модальные слова или союзы? Этот вопрос остаётся открытым. Междометия вроде **ой!** или **wow!** часто причисляют к дискурсивным маркерам — всё-таки они активно участвуют в регуляции общения. С модальными словами ситуация яснее: они способны входить в состав сказуемого, а дискурсивные — нет, и этот синтаксический критерий позволяет их разграничить. Сложнее с союзами: одни исследователи

включают их в класс дискурсивных слов, другие же, вслед за Б. Фрейзером, относят союзы к синтаксическому уровню, оставляя за дискурсивными маркерами функцию связывания более крупных фрагментов текста (Fraser, 1996, p. 168). В узбекской грамматической традиции проблема границ класса стоит особенно остро из-за обилия аналитических конструкций и частиц. Такие единицы, как экан, эмиш и вопросительная частица **-ми**, совмещают в себе свойства грамматических формантов и прагматических маркеров, что делает их однозначную классификацию крайне затруднительной (Маматов, 2018, с. 27–30).

Не менее дискуссионным остаётся вопрос о семантике дискурсивных слов. Возьмём английское **well** — оно практически утратило исходное значение «хорошо» и теперь в разных контекстах передаёт колебание, неуверенность или уступку. Существует ли у него единое инвариантное значение — скажем, «сигнал задержки перед ответом», — или перед нами многозначность? Консенсуса в литературе по этому поводу нет. Схожий случай — узбекское **энди**, которое буквально значит «теперь», но в дискурсивной функции ведёт себя как русское **ну**. По наблюдениям Ш. С. Сафарова, семантический переход от темпоральности к прагматической неопределённости — типологически частотный путь грамматикализации (Сафаров, 2019, с. 215).

Третий блок обсуждения касается межъязыковой эквивалентности. Русское **вот** не имеет точного аналога в английском, и его функции распределяются между **well**, **you see**, **now** и **here**. А узбекские **мана** и **ана**, соответствующие русскому «вот», интересны тем, что сохраняют в дискурсивном употреблении пространственную дифференциацию «близость — удалённость», которую русское **вот** уже утратило (Маматов, 2018, с. 140–142). Подобные расхождения лишней раз подтверждают: дискурсивные слова образуют языкоспецифичные системы, отражающие культурные и коммуникативные нормы.

Что касается практических приложений, то здесь можно выделить три основные сферы. В лингводидактике корректное употребление дискурсивных маркеров считается показателем уровня В2–С1. В компьютерной лингвистике распознавание маркеров типа **well** и **ну** необходимо для создания диалоговых систем и качественного машинного перевода. Наконец, в судебной экспертизе анализ дискурсивных слов помогает идентифицировать автора текста. Среди перспективных направлений дальнейших исследований — кросс-лингвистические типологии, онтогенез, грамматикализация и мультимодальность.

Заключение

Итак, дискурсивные слова представляют собой функционально выделенный класс единиц, конститутивными признаками которого выступают процедурный характер значения, синтаксическая факультативность и метадискурсивная направленность. Пять рассмотренных функциональных классов охватывают основные сферы их действия. Сопоставительный анализ русского, английского и узбекского языков демонстрирует, что при универсальности базовых прагматических функций — гезитации, когезии, эвиденциальности — каждый язык вырабатывает собственный, нередко уникальный инвентарь средств. Определяющей методологической тенденцией последних десятилетий стал переход от интроспекции к корпусным методам, позволяющим верифицировать гипотезы на больших массивах данных. Как сформулировала Д. Шиффрин, дискурсивные слова — это «индекс самого процесса разговора» (Schiffrin, 1987, p. 326). Изучая эти малозаметные, но повсеместные единицы, мы проникаем в глубинные механизмы человеческого общения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
2. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
3. Маматов А.Э. Прагматические маркеры в современном узбекском языке. – Ташкент: Фан, 2018. – 248 с.
4. Сафаров Ш.С. Прагмалингвистика. – Ташкент: O‘zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2019. – 312 с.
5. Blakemore D. Semantic Constraints on Relevance. – Oxford: Blackwell, 1987. – 272 p.
6. Fraser B. Pragmatic Markers // Pragmatics. – 1996. – Vol. 6, No. 2. – P. 167–190.
7. Schiffrin D. Discourse Markers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 364 p.
8. Traugott E.C., Dasher R.B. Regularity in Semantic Change. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 368 p.